

236	0291-01	БОРИС СЛУЦКИЙ	“Хранители отчаяния”	Часть 1 “Коридоры судьбы”
237	0291-02	БОРИС СЛУЦКИЙ	“Хранители отчаяния”	Часть 2 “Лирики и физики”

“Хранители отчаяния” (Коренблит – Слуцкий)

Часть 2 “Лирики и физики”

1(28). Хозяин	– 1.32
2(29). Паяц	– 1.11
3(30). Похороны эпохи	– 1.07
4(31). Я был доверчив	– 1.03
5(32). Кладбищенский спор	– 1.46
6(33). Сказки народа	– 1.04
7(34). То ли?	– 1.17
8(35). Борьба с шумом	– 1.19
9(36). Кнопка	– 1.40
10(37). Способность краснеть	– 1.40
11(38). Но жизнь одна	– 1.15
12(39). Понятья	– 1.43
13(40). Плохи дела	– 1.28
14(41). Физики и лирики	– 1.43
15(42). Лирики и физики	– 1.41
16(43). Чёрное и белое	– 1.19
17(44). Злые собаки	– 2.15
18(45). Основы пьянства	– 1.14
19(46). Слава	– 1.39
20(47). Судьба	– 2.49
21(48). Старый новый гимн	– 2.14
22(49). Выбор – был	– 1.43
23(50). Умирают мои старики	– 1.28
24(51). Хочется жить	– 1.24
25(52). Будущее, будь	– 1.21
26(53). Молитва	– 2.12
27(54). Русское небо	– 1.26
<i>Общее время звучания – 41.33</i>	
<i>Общее время звучания – 80.08</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 “Лирики и физики”

1. ХОЗЯИН

А мой хозяин не любил меня —
Не знал меня, не слышал и не видел,
А все-таки боялся, как огня,
И сумрачно, угрюмо ненавидел.
Когда меня он плакать заставлял,
Ему казалось: я притворно плачу.
Когда пред ним я голову склонял,
Ему казалось: я усмешку прячу.
А я всю жизнь работал на него,
Ложился поздно, поднимался рано.
Любил его. И за него был ранен.

Но мне не помогало ничего.
 А я возил с собой его портрет.
 В землянке вешал и в палатке вешал —
 Смотрел, смотрел, не уставал смотреть.
 И с каждым годом мне все реже, реже
 Обидною казалась нелюбовь.
 И ныне настроенья мне не губит
 Тот явный факт, что испокон веков
 Таких, как я, хозяева не любят.

2. ПАЯЦ

Не боялся, а страшился
 этого паяца:
 никогда бы не решился
 попросту бояться.

А паяц был низкорослый,
 рябоватый, рыжий,
 страха нашего коростой,
 как броней, укрытый.

А паяц был уstraшенный:
 чтобы не прогнали, —
 до бровей запорошенный
 страхом перед нами.

Громко жил и тихо помер.
 Да, в своей постели.
 Я храню газетный номер
 с датой той потери.

Эх, сума-тюрьма, побудка,
 авоськи-котомки.
 Это все, конечно, в шутку
 перечтут потомки.

3. ПОХОРОНЫ ЭПОХИ

Не пуля была на излете, не птица —
 мы с нашей эпохой ходили проститься.

Ходили мы глянуть на нашу судьбу,
 лежавшую тихо и смиренно в гробу.
 Как слабо дрожал в светотрубках неон.
 Как тихо лежал он — как будто не он.
 Не черный, а рыжий, совсем низкорослый,
 совсем невысокий — седой и рябой,
 лежал он — вчера еще гордый и грозный,
 и слывший, и бывший всеобщей судьбой.

4. Я БЫЛ ДОВЕРЧИВ

Я доверял, но проверял,

как партия учила,
я ковырял, кто привирал,
кто лживый был мужчина.

Но в первый раз я верил всем,
в долг и на слово верил.
И резал сразу. Раз по семь
я перед тем не мерил.

В эпоху общего вранья,
влюбленности во фразу
я был доверчив. В общем, я
не прогадал ни разу.

5. КЛАДБИЩЕНСКИЙ СПОР

На этом кладбище простом
покрыты травкой молодой
и погребенный под крестом
и упокоенный звездой.

Лежат, сомкнув бока могил.
И так в веках пребыть должны,
кого раскол разъединил
мировоззрения страны.

Как спорили звезда и крест!
Не согласились до сих пор!
Конечно, нет в России мест
где был доспорен этот спор.

А ветер ударяет в жезь
креста, и слышится: Бог есть!
И жезь звезды скрипит в ответ,
что бога не было и нет.

Пока была душа жива,
ревели эти голоса.
Теперь вокруг одна трава.
Теперь вокруг одни леса.

Но, словно затаенный вздох,
внезапно слышится: есть Бог!
И словно приглушенный стон:
Нет бога! — отвечают в тон.

6. СКАЗКИ НАРОДА

Надо, чтобы дети или звери,
чтоб солдаты или, скажем, бабы
к вам питали полное доверье
или полюбили вас хотя бы.

Обмануть детей не очень просто,
баба тоже не пойдет за подлым,
лошадь сбросит на скаку прохвоста,
а солдат поймет, где ложь, где подвиг.

Ну, а вас, разумных и ученых, —
о высокомудрые мужчины, —
вас водили за нос, как девчонок,
как детей, вас за руку влачили.

Нечего ходить с улыбкой гордой
многократно купленным за орден.
Что там толковать про смысл, про разум, —
многократно проданный за фразу.

Я бывал в различных обстоятельствах,
но видна бессмертная душа
лишь в освобожденной от предательства,
в слабенькой улыбке малыша.

7. ТО ЛИ?

Много было пито-едено,
много было бито-граблено,
а спроси его — немедленно
реагирует: все правильно.

То ли то, что
граблено-бито,
ныне прочно
шито-крыто?

То ли красная эта рожа
больше бы покраснеть не смогла?
То ли слишком толстая кожа?
То ли слишком темная мгла?

То ли в школе плохо учили —
спорт истории предпочли?
То ли недоразоблачили?
То ли что-то недоучли?

Как в таблице умножения,
усомниться не может в себе.
Несмотря на все поношения,
даже глядя в глаза судьбе,
говорит:
— Все было правильно.
— Ну, а то, что бито-граблено?
А какое дело тебе?

8. БОРЬБА С ШУМОМ

Надо привыкнуть к музыке за стеной,
к музыке под ногами,
к музыке над головами.
Это хочешь не хочешь, но пребудет со мной,
с нами, с вами.

Запах двадцатого века — звук.
Каждый миг старается,
если не вскрикнуть — скрипнуть.
Остается одно из двух —
привыкнуть или погибнуть.

И привыкает, кто может,
и погибает, кто
не может, не хочет,
не терпит, не выносит,
кто каждый звук надкусит,
поматросит и бросит.
Он и погибнет зато.

Привыкли же, притерпелись
к скрипу земной оси!
Звездное передвижение
нас по ночам не будит!
А тишины не проси.
Ее не будет.

9. КНОПКА

Довертелась земля до ручки,
докрутилась до кнопки земля.
Как нажмут — превратятся в тучки
океаны и в пыль — поля.

Вижу, вижу, чувствую контуры
этой самой, секретной комнаты.
Вижу кнопку. Вижу щит.
У щита человек сидит.

Офицер невысокого звания —
капитанский как будто чин,
и техническое образование
он, конечно, не получил.

Дома ждут его, не дождутся.
Дома вежливо молят мадонн,
чтоб скорей отбывалось дежурство,
и готовят пирамидон.

Довертелась земля до ручки,
докрутилась до рычага.

Как нажмут — превратится в тучки.
А до ручки — четыре шага.

Ходит ночь напролет у кнопки.
Подойдет. Поглядит. Отойдет.
Станет зябко ему и знобко...
И опять всю ночь напролет.

Бледно-синий от нервной трясучки,
голубой от тихой тоски,
сдаст по описи кнопки и ручки
и поедет домой на такси.

А рассвет, услышавший несмело,
что он может еще рассветать,
торопливо возьмется за дело.
Птички робко начнут щебетать,

набухшая почка треснет,
на крылечке скрипнет доска,
и жена его перекрестит
на пороге его домка.

10. СПОСОБНОСТЬ КРАСНЕТЬ

Ангел мой, предохранитель!
Демон мой, ограничитель!
Стыд — гонитель и ревнитель,
и мучитель, и учитель.

То, что враг тебе простит,
не запомнит стыд.

То, что память забывает,
не запомнит срам.
С ним такого не бывает,
точно говорю я вам.

Сколько раз хватал за фалды!
Сколько раз глодал стозевно!
Сколько раз мне помешал ты —
столько кланяюсь я земно!

Я стыду-богатырю,
сильному, красивому,
говорю: благодарю.
Говорю: спасибо!

Словно бы наружной совестью,
от которой спасу нет,
я горжусь своей способностью
покраснеть как маков цвет.

11. НО ЖИЗНЬ ОДНА

Я с дисциплиной завязал,
усвоил инициативу.
Не верю в мудрость коллектива
и в святость всех его начал.

Я наблюдал не раз, как в чернь
народ великий превращался.
И как в народ он возвращался,
и богом становился червь.

Увижу — и еще не раз,
как снова маятник качнется
и все опять, опять начнется —
ведь начиналось же не раз.

Ведь начиналось же не раз,
не раз, не два, не три кончалось.
Не радуясь и не отчаиваясь,
смотрю на это еще раз.

Еще мне далеко до дна —
едва пригубил я у стойки.
Но жизнь одна, одна, одна —
не продлевается нисколько.

12. ПОНЯТЬЯ

Распадаются тесные связи,
упраздняются совесть и честь
и пытаются грязи в князи
и в светлейшие князи пролезть.

Это время — распада. Эпоха —
разложения. Этот век
начал плохо и кончит плохо.
Позабудет, где низ, где верх.

Тем не менее, в сутках по-прежнему
ровно двадцать четыре часа
и над старой землею по-прежнему
те же самые небеса.

И по-прежнему солнце восходит
и посеянное зерно
точно так же усердно всходит,
как всходило давным-давно.

И особенно наглые речи,
прославляющие круговерть,
резко, так же, как прежде, и резче

обрывает внезапная смерть.

Превосходно прошло проверку
все на свете: слова и дела,
и понятия низа и верха,
и понятия добра и зла.

13. ПЛОХИ ДЕЛА

Это — мелочи. Так сказать, блохи.
Изведем. Уничтожим дотла.
Но дела удивительно плохи.
Поразительно плохи дела.

Мы — поправим, наладим, отладим,
будем пыль из старья колотить
и проценты, быть может, заплатим.
Долг не сможем ни в жизнь заплатить.

Улучшается все, поправляется,
с ежедневным заданьем справляется,
но задача, когда-то поставленная, -
нерешенная, как была,
и стоит она — старая, старенькая,
и по-прежнему плохи дела.

14. ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе.

Значит, что-то не раскрыли
Мы, что следовало нам бы!
Значит, слабенькие крылья —
Наши сладенькие ямбы,
И в пегасовом полете
Не взлетают наши кони...
То-то физики в почете,
То-то лирики в загоне.

Это самоочевидно.
Спорить просто бесполезно.
Так что даже не обидно,
А скорее интересно
Наблюдать, как, словно пена,
Опадают наши рифмы
И величие степенно
Отступает в логарифмы.

15. ЛИРИКИ И ФИЗИКИ

Слово было ранее числа,

а луну — сначала мы увидели.
Нас читатели еще не выдали
ради знания и ремесла.

Физики, не думайте, что лирики
просто так сдаются, без борьбы.
Мы еще как следует не ринулись
до луны — и дальше — до судьбы.

Эта точка вне любой галактики,
дальше самых отдаленных звезд.
Досягнете без поэтов, практики?
Спутник вас дотуда не доведет.

Вы еще сраженья только выиграли,
вы еще не выиграли войны.
Мы еще до половины вырвали
сабли, погруженные в ножны.

А покуда сабля обнажается,
озаряя мускулы руки,
лирики на вас не обижаются,
обижаются — текстовики.

16. ЧЁРНОЕ И БЕЛОЕ

В этот вечер, слишком ранний,
только добрых жду вестей —
сокращения желаний,
уменьшения страстей.

Время, в общем, не жестоко:
все поймет и все простит.
Человеку нужно столько,
сколько он в себе вместит.

В слишком ранний вечер этот,
отходя тихонько в тень,
применяю старый метод —
не копить на черный день.

Будет день, и будет пища.
Черный день и — черный хлеб.
Белый день и — хлеб почище,
повкусней и побелей.

В этот слишком ранний вечер
я такой же, как с утра.
Я по-прежнему доверчив —
Жду от жизни лишь добра.

И без гнева, и без скуки,

прозревая свет во мгле,
холодеющие руки
грею в тлеющей золе.

17. ЗЛЫЕ СОБАКИ

Злые собаки на даче.
Ростом с волка. С быка!
Эту задачу
мы не решили пока.

Злые собаки спокойно
делают дело свое:
перевороты и войны
не проникают в жильё,
где благодушный владелец
многих безделиц,
слушая лай, кушает чай.

Да, он не пьет, а вкушает
чай. За стаканом стакан.
И — между делом — внушает
людям, лесам и стогам,
что заработал этот уют,
что за работу — дачи дают.

Он заслужил, комбинатор,
мастер, мастак и нахал.
Он заработал, а я-то?
Я-то руками махал?
Просто шатался по жизни?
Просто гулял по войне?
Скоро ли в нашей Отчизне
дачу построят и мне?

Что-то не слышу
толков про крышу.
Не торопиться мне с черепицей.
Исподволь лес не скупать!
В речке телес не купать!
Да, мне не выйти на речку,
и не бродить меж лесов,
и не повесить дощечку
с уведомленьем про псов.
Ёлки зеленые,
грузди соленые —
не про меня.

Дачные псы обозленные,
смело кусайте меня.

18. ОСНОВЫ ПЬЯНСТВА

Не домашний, а фабричный
у квасных патриотов квас.
Умный наш народ, ироничный
не желает слушаться вас.

Он бы что-нибудь выпил другое,
но, поскольку такая жара,
пьет, отмахиваясь рукою,
как от овода и комара.

Здешний, местный, тутошний овод
и национальный комар
произносит свой долгий довод,
ничего не давая умам.

Он доказывает, обрисовывает,
но притом ничего не дает.
А народ все пьет да поплевывает,
все поплевывает да пьет.

19. СЛАВА

Местный сумасшедший, раза два
чуть было не сжегший всю деревню,
пел “Катюшу”, все ее слова
выводил в каком-то сладком рвенье.

Выходил и песню выводил,
верно выводил, хотя и слабо,
и когда он мимо проходил,
понимал я, что такое слава.

Солон, сладок, густ ее раствор.
Это - оборот, в язык вошедший.
Это - деревенский сумасшедший,
выходящий с песнею во двор.

20. СУДЬБА

Судьба - как женщина-судья,
со строгостью необходимой.
А перед ней — виновный я,
допрошенный и подсудимый.

Ее зарплата в месяц – сто,
за все, что было, все, что будет,
а также за меня – за то,
что судит и всегда осудит.

Усталая от всех забот —
домашних, личных и служебных,
она, как маленький завод
и как неопытный волшебник.

Она чарует и сверлит,
она колдует и слесарит,
то стареньким орлом орлит,
то шумным ханом — государит.

А мне-то что? А я стою.
Мне жалко, что она плохая,
но бедную судьбу мою
не осуждаю и не хаю.

Я сам подкладываю тол
для собственного разрушенья
и перегнувшись через стол,
подсказываю ей решенья.

21. СТАРЫЙ НОВЫЙ ГИМН

Еще играли старый гимн
Напротив места лобного,
Но шла работа над другим
Заместо гимна ложного.
И я поехал на вокзал,
Чтоб около полуночи
Послушать, как транзитный зал,
Как старики и юноши —
Всех наций, возрастов, полов,
Рабочие и служащие,
Недавно не подняв голов
Один доклад прослушавшие, —
Воспримут устаревший гимн;
Ведь им уже объявлено,
Что он заменится другим,
Где многое исправлено.
Табачный дым над залом плыл,
Клубился дым махорочный.
Матрос у стойки водку пил,
Занюхивая корочкой.
И баба сразу два соска
Двум близнецам тянула.
Не убирая рук с мешка,
Старик дремал понуро.
И семечки на сапоги
Лениво парни лускали.
И был исполнен старый гимн,
А пассажиры слушали.
Да только что в глазах прочтешь?
Глаза-то были сонными,
И разговор все был про то ж,
Беседы шли сезонные:
Про то, что март хороший был,
И что апрель студеный,

Табачный дым над залом плыл —
 Обыденный, буденный.
 Матрос еще стаканчик взял —
 Ничуть не поперхнулся.
 А тот старик, что хмуро спал,
 От гимна не проснулся,
 А баба, спрятав два соска
 И не сходя со стула,
 Двоих младенцев в два платка
 Толково завернула.
 А мат, который прозвучал,
 Неясно что обозначал.

22. ВЫБОР - БЫЛ

Выбор - был. Раза два. Два раза.
 Раза два на моем пути
 вдруг раздваивалась трасса,
 сам решал, куда мне пойти.

Слева — марши. Справа — вальсы.
 Слева — бури. Справа — ветра.
 Слева — холм какой-то взвивался.
 Справа — просто была гора.

Сам решай. Никто не мешает,
 и совета никто не дает.
 Это так тебя возвышает,
 словно скрипка в тебе поет.

Никакой не играет роли,
 сколько будет беды и боли,
 ждет тебя покой ли, аврал,
 если сам решал, выбирал.

Слева — счастье. Справа — гибель.
 Слева — пан. Справа — пропал.
 Все едино: десятку выбил,
 точно в яблочко сразу попал.

Раза два. Точнее, два раза.
 Раза два. Не более двух
 мировой посетил меня дух.
 Самолично! И это не фраза.

23. УМИРАЮТ МОИ СТАРИКИ

Умирают мои старики —
 Мои боги, мои педагоги,
 Пролагатели торной дороги,
 Где шаги мои были легки.

Вы, прикрывшие грудью наш возраст

От ошибок, угроз и прикрас,
 Неужели дешевая хворость
 Одолела, осилила вас?

Умирают мои старики,
 Завещают мне жить очень долго,
 Но не дольше, чем нужно по долгу,
 По закону строфы и строки.

Угасают большие огни
 И гореть за себя поручают.
 Орденов не дождались они —
 Сразу памятники получают.

24. ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

Хочется живому жить да жить.
 Жить до самой смерти, даже позже.
 Смерть до самой смерти отложить
 и сказать ей нагло: ну и что же.

Завтрашние новости хочу
 услышать и обсудить с соседом,
 чрево ублажить хочу обедом
 и душой к чужой душе лечу.

Все кино хочу я досмотреть,
 прежде чем залечь в сырой могиле.
 Не хочу, чтоб в некрологе смерть
 преждевременной определили.

Предпочту, чтоб молодой наглец
 мне в глаза сказать решился:
 что ты все живешь?
 Совсем зажился!
 Хоть бы кончился ты, наконец.

25. БУДУЩЕЕ, БУДЬ

Будущее, будь каким ни будешь!
 Будь каким ни будешь, только будь.
 Вдруг запомнюешь нас, забудешь.
 Не оставь, не брось, не позабудь.

Мы такое видели. Такое
 пережили в поле и степи!
 Даже и без воли и покоя
 будь каким ни будешь! Наступи!

Приходи в пожарах и ознобах,
 в гладе, в зное, в холоде любом,
 только б не открылся конкурс кнопок,
 матч разрывов, состязанье бомб.

Дай работу нашей слабосилке,
жизнь продли. И — нашу. И — врагам.
Если умирать, так пусть носилки
унесут. Не просто ураган.

26. МОЛИТВА

Это я, господи!
Господи, это я!
Слева мои товарищи,
справа мои друзья.

А посередке, господи,
я, самолично — я.
Неужели, господи,
не признаешь меня?

Господи, дама в белом —
это моя жена,
словом своим и делом
лучше меня она.

Если выйдет решение,
что я сошел с пути,
пусть ей будет прощение:
ты ее отпусти!

Что ты значил, господи,
в длинной моей судьбе?
Я тебе не молился —
взмаливался тебе.

Я не бил поклоны, —
не обидишься, знал.
Все-таки безусловно —
изредка вспоминал.

В самый темный угол
меж фетишей и пугал
я тебя поместил.
Господи, ты простил?

Ты прощай мне, господи:
слаб я, глуп, наг.
Ты обещаю мне, господи,
не лишать меня благ:
черного теплого хлеба
с желтым маслом на нем
и голубого неба
с солнечным огнем.

27. РУССКОЕ НЕБО

На русскую землю права мои невелики.
Но русское небо никто у меня не отнимет.
А тучи кочуют, как будто проходят полки.
А каждое облачко приголубит, обнимет.
И если неумолима родимая эта земля,
все роет окопы, могилы глубокие роет,
то русское небо, дождем золотым пыля,
простит и порадует, снова простит и прикроет.
Я приподнимаюсь и по золотому лучу
с холодной земли на горячее небо лечу.